

letterra.org_054'

Кого воюем?

<i>Кого воюем?</i>	– 5
<i>По дороге туда</i>	– 28
<i>Школа</i>	– 37
<i>Зачистка</i>	– 46
<i>Блокпост. День в Чечне</i>	– 52
<i>База. Ночь в Чечне</i>	– 58
<i>Танк</i>	– 62
<i>Берцы</i>	– 71
<i>Спаси рядового</i>	– 81
<i>Васька</i>	– 86
<i>БТР (Счастливчик)</i>	– 94
<i>Али</i>	– 99

Дмитрий Флорин. **Кого воюем?**

М.: letterra.org, Издательство «Логос» (Москва), 2013. – 112 стр.

Редакторская подготовка – Ксения Голубович, проект *letterra.org*

ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия letterra.org: 054')

Бабченко спрашивал – страшно?

Страшно, пока страшно. Почему солдаты молодые вечно голодные? Вот сидит Петрович на крыше и рассуждает. Старый майор. Солдатики рядом – вон две точки огневые на крыше нашей школы. Все слышат наверняка. Сейчас, пока нигде не стреляют – все слышно.

«Оно же ведь как – вот подвезли молодняк, они жрать всегда хотят, а знаешь почему? Потому что боятся всего пока еще, трясутся из-за этого. А на это силы уходят. На тряску. Вот они и голодные всегда» – с умным видом заключил Петрович, потом крикнул солдату на ближайшую огневую точку: «Так ведь говорю, рыжий?»

Тут Петрович засмеялся: «Вот идиоты ведь, а?! Вчера вижу – жрут сидят за спортзалом что-то. Смотрю – шашлык! Ничего себе, думаю, солдатики у нас шикают, у нас жрать нечего, а они шашлыки глотают. А потом оказалось – крысу зажарили и грызут. Я им говорю – так она же в сортире бежала! А они, мол, мы ее прожарили хорошо, только никому не рассказывайте!»

Петрович залился смехом. Ну–ну, у самого-то тушенка под кроватью, наверное, припрятана – не голодает. Да и зачем ему есть? По его же логике – много едят те, кто много трясется от страха. А ему чего бояться? Сидит всегда в дежурке в охраняемом помещении. Да и поздно ему уже бояться – старый уже.

Москва, 2012 год. Коллега Аркадий, сам ветеран БД, спрашивает: «Не, ну ты тогда реально боялся, когда Али приехал? Не, ну скажи, боялся? Ну, честно!»

Опасался – может быть. А бояться – давно уже устал. Там еще, дня через 3 после приезда в первую командировку в Чечню.

А сейчас начать надо, пожалуй, еще с моего первого приезда в Финляндию. Приехал для того, чтобы описать и сделать видео о сложной судьбе чеченской пары Малика и Хадижат Гатаевых, которые во время войны в Чечне спасали детей, организовав семейный детский дом.

Там и началось – в лагере беженцев говорил с чеченцем, который охранял наших пленных солдат и расстреливал по приговору офицеров и контрактников.

Сумасшествие – сидим за одним столом с ним, едим и он мне все это рассказывает. Я уже потом не выдержал, спрашиваю, а вам про меня не рассказывали, кто я? Он мне, мол, ну журналист сказали. Ага, говорю, только вот лет десять назад я в составе ОМОНа у вас в Чечне воевал.

Он опешил. Помолчали с ним минут пять. Не знаем, что говорить. Но потом все же как-то начали. Хотя видно уже было, что он стал говорить немного иначе. Как-то осторожней, обдумывая слова.

Рассказывать что-либо мне на камеру он отказался. Привезший меня в лагерь беженцев под Хельсинки Мусса (потом он стал представителем Икерии в Финляндии) расстроился. Извинился за своего земляка, мол, ранее договаривались, что он тебе на камеру что-то расскажет. Ну да, я все понимаю, ранее договаривались. Ранее он не знал, что я о Чечне не просто как журналист знаю.

Дальше надо было ехать в Литву. В Литву мы ехали уже международным десантом как некий медиа-марафон в поддержку семьи Гатаевых. С Хельсинки до Таллина плыли на пароме вместе с чеченцем Хасаном, воевавшим с федералами, и с бывшим федералом Аркадием, воевавшим с чеченцами.

Они заехали за мной в Хельсинки, я сел сзади, они – впереди. Хасан за рулем. Литовские номера на нашем Мерседесе имели буквы FED, я спросил Хасана, мол, номера такие, потому что двух федералов везешь? Улыбнулись.

Вплоть до порта они оба молчали. Вот тупо сидят и молчат. Въехали в паром, оставили машину – молчат. Поднялись на верхнюю палубу – молчат. Мы с Аркадием пиво купили (Хасан не пьет и не только потому, что за рулем), вышли все вместе на открытую палубу – стоят молчат. Порознь. Пока прикуривали, вдруг расползлись друг от друга метров на пять. И молчат.

Сначала бегал между ними, то с одним поговорю, то с другим. Потом все же смог их подтащить поближе друг к другу. Стали разговаривать. Ну как бы для начала со мной (или через меня?), а потом уже потихоньку и что-то типа диалога стало получаться.

Уже к утру, подплывая к Таллину, слышал бы кто-то наши разговоры! Психи. Мы говорили о войне, как будто смотрели вместе какой-то фильм, а вот теперь про него вспоминаем. Ну, прикольные моменты.

Начали с армии. Армейские байки. У всех все похоже, ну у каждого своя специфика – кто где служил, у кого командиры тупее были, да молодые солдаты «неожиданней». Смеялись. Вот с армейской темы и перешли в Чечню. Я еще помню как Аркадий, когда, увлекшись, чтобы поддержать тему, стал говорить что-то типа: «А вот у нас в Чечне солдат был один...», на полсекунды он остановился. Ничего. Все тихо и нормально. Продолжили.

И вот под утро это было уже: «А ты помнишь наши ваших под Аргуном накрыли? Так вот там один танк вообще просто потеряли, они не туда уехали...», или: «А в Черноречье вашим там носа не давали всунуть, до того адрессировали, что когда даже палкой по пустой гильзе от снаряда стукнешь, ваши сразу дисциплинированно в землю врывались – думали опять со всего, что можно, стрелять начнем...»

Не знаю как Аркадию, но Хасан стал мне другом. Дружили семьями. Мой сын играл с его дочкой на компьютере у него дома в Хельсинки. За ту неделю в Прибалтике мы сильно сдружились. Помню слезы одного старого литовца, подписанта декларации о независимости Литвы, когда после нашей совместной конференции, он неожиданно пригласил нас осмотреть здание. Раньше это был каунасский советский дом офицеров. Так странно. Видимо, тут и отец мой в свое время хаживал. Когда «оккупантом» тут был.

Теперь здесь что-то типа Дворца культуры, а в залах красивые картины. Рыцарско-исторические. Князья литовские, битвы всякие.

Так вот, этот подписант (а их в Литве всего несколько человек) завел нас в один красивый рыцарский зал – картины сражений, рыцарские доспехи... и вдруг у него на глазах появились слезы.

Он сказал нам: «Я так ненавидел русских, всю жизнь, и вот теперь, когда я вижу, что чеченец и русский вместе выступают за помощь в спасении чеченских детей, я многое понял. Спасибо, что вы избавили меня от этой ненависти».

Это было настолько трогательно, что я сам чуть не всплакнул. Это просто перелом мозга какой-то. Литва, Каунас, бывший Дом офицеров, конференция, на которой воевавшие друг против друга вместе призывают спасти чеченских детей, подписант, избавившийся от ненависти всей своей жизни...

Неделя в Литве была сложная. За нами следили какие-то спецслужбисты, мы давали интервью, ездили к чеченским сиротам в SOS-деревню, встречались с многими литовскими журналистами, в том числе и в том знаменитом вильнюсском телецентре, который был полем боя между советскими силовыми подразделениями и литовцами, старающимися выйти из советской тени...

Но одна из встреч была самой острой. Непонятной, странной, неожиданной, эмоционально-опасной, просто переворачивающей все вокруг...

Встреча с Али

В Каунасе нашу «делегацию» сопровождали чеченцы. Те несколько человек, которые там еще остались. После первой чеченской и с началом второй в Литву уехало много чеченцев. Но в последние годы, в связи со сменой руководства республики и, как выяснилось, тесными связями литовских и российских спецслужб, ситуация поменялась. Сами литовцы, боровшиеся ранее за независимость, объясняли это так: «Это не то, за что мы боролись». Из Литвы уехали почти все чеченцы. Туда, дальше в Европу. Их дети хоть стали учиться. В Чечне же учиться было негде – что касается того же села Зандак, где мы стояли, в единственной сельской школе, где могли бы учиться дети, стояли мы.

Сейчас чеченцев в Литве сами чеченцы при нас просто пересчитали по пальцам. К одному из таких оставшихся мы приехали домой. Скромная квартира в многоэтажке. Али, хозяин квартиры, симпатичный мужик, представил нас жене, показал маленького ребенка, накормил и когда узнал, что нас пригласили в Каунасский музей, решил съездить вместе с нами.

Поехали мы – я, Аркадий, Хасан, правозащитница Оксана из Хельсинки, Али и его друг – марокканец, с которым мог разговаривать только Али.

Музей очень оригинальный. Его хозяин в советское время много лет рыл под своим частным домом возле Каунаса подпольное помещение. Дом стоял на холме и ежедневно хозяин выкапывал под ним своим коридоры, несколько помещений. Вход был замаскирован. С виду – обычный дом. Но если войти в теплицу, примыкающую к дому, взять в потайном месте особый поворотный ключ, вставить его в нужное место, откопав под землей одной из грядок ключицу, то можно обнаружить длинный подземный тоннель. При движении ключа со своего места съезжает бетонная конструкция, на которой растут разные растения. Влазим.

Хозяин музея рассказывает, как копал эти ходы. Пока он рыл, его жена и двое маленьких детей смотрели за обстановкой вокруг дома. В случае опасности, например, появления советских военных, жена нажимала на кнопку звонка, установленного в подzemелье. Там были особые коды – в зависимости от количества звонков, можно было понять – либо надо срочно вылезать из подвала, либо затаиться там и ждать команды, когда можно входить наружу.

В самом дальнем конце подземелья был установлен печатный станок. На нем печатали христианскую и антисоветскую литературу.

Уже позже, после отделения Литвы, хозяин сделал из своего подполья музей. Тут и стенды с образцами литературы, и выставка печатных станков...

Музей можно было назвать «музеем советской оккупации». И когда его хозяин рассказывал, как он с детьми и женой на своей машине вывозили из дома литературу, тайно, замаскировав ее, а вокруг были советские военные патрули, я представлял, что в одном из таких патрулей был и мой отец.

После просмотра достопримечательностей музея, его хозяин подвел всех к книге отзывов и попросил, мол, если вам было интересно или если бы вы хотели, чтобы среди экспонатов появилось что-то еще, или наоборот, что-то из них не понравилось и вы захотели это обсудить – напишите об этом в книге.

Писали все по очереди. Подошла моя очередь. Открыл книгу, полистал – надписи на разных языках, все – благо-

дарственные и восхищенные. Написал и я, что-то типа, мол, спасибо за ваш труд, спасибо за то, что вы это сохраняете для истории, мы многого просто не знали.

Отписался. Рядом стоит чеченец Али. Крепкий мужик с небольшой бородой. Трудно определить возраст, но, наверное, не намного старше меня, если вообще не одногодки.

Даю ему ручку.

– Будешь писать что-нибудь?

– Хотел бы, но стыдно. Я русский стал забывать, а с ошибками писать не хочу. Я же раньше учителем русского языка был.

– Это в советское время?

– Да, и после тоже еще немного.

– А где? Там, в Чечне?

– Да, в школе работал.

– А где в Чечне?

– Под Ножай-Юртом.

Я еще после этих слов насторожился. Мы были под Ножай-Юртом на войне. Но все же решил до конца узнать.

– А где под Ножай-Юртом?

– В Зандаке, село такое есть...

Сглотнул. Странная встреча. Да еще в таком месте.

– А когда из Чечни уехал?

– В 2003 примерно...

– А в 2001 году там был?

– Да, еще там.

– Воевал?

– Ну как все...

Вот и все. Никаких надежд. Я не знаю, что делать. Мы с этим человеком стреляли друг по другу, не зная друг друга. И это наш ОМОН стоял в той школе, где он был когда-то учителем. Надо ему об этом сказать, пусть знает...

– Я в 2001 году в Зандаке служил, приезжали в составе ОМОНа, мы с вами друг против друга воевали...

Вот теперь и он растерялся. Стоим и друг на друга смотрим, как будто узнать хотим. А что делать теперь?

Я, конечно, предполагал, что такая встреча когда-то произойдет. Все шло к этому. Сначала я начинал общаться с чеченцами в Финляндии, потом с теми, кто воевал против федералов. Там же, в Финляндии, я вроде бы даже уже как-то

успокоился, а тут вот такое...

Я не знаю, сколько мы так стояли и друг на друга смотрели. Мы последние с ним расписывались в отзывах – все уже ушли в другой зал. Стоим. Что будет? Мысли какие-то идиотские в голову лезут. Может сейчас прямо нож достанет и горло мне перережет? Я же не знаю, что там у него было. Может наши идиоты минометчики его родителей убили. Сколько они тогда промахивались, особенно ночью, когда у них помощи просили наши, а накрывали они то чеченцев в своих домах, то наших же, просящих помощи. Что будет, если он сейчас в меня вцепится и начнет грызть? Но мы только что у него дома были, ели вместе, с семьей познакомились, уже как-то даже сдружиться стали.

Что делать-то? Ну кто первый что-то сделает? Ну вот – думал что уже ко всему готов, а тут, оказалось, что нет. Сколько мы еще так стоять будем и друг на друга смотреть? Так, а куда он только что взгляд кинул? Уж не на мои ли руки, чтобы понять, что я могу сделать? Да у меня сейчас из всего оружия только фотоаппарат и ручка местная. А у него? Он же чеченец, наверняка, нож с собой есть. А что – сейчас пырнет, да скроется потом. Может это для него какой-то «общей кровной мстью будет». Я же не знаю! А он не знает, что я вообще-то никого не убивал! Что он там сейчас думает? – Что делать или как меня убить? Да, прошло больше 10 лет, но кто знает, как он пострадал от войны?

Насколько сильны не до конца вытравленные остатки страха. Страх и ненависти. Я не знаю, сколько мы так молча стояли.

Я не знаю, о чем думал в это время Али. Понятно, что сначала, после первых секунд шока, он включился в какой-то военный режим и беглым взглядом оценил обстановку, понятное дело – воевал же, реакция должна быть на уровне рефлексов. Но чего он стоит? Ну почему он ничего не делает или не говорит? Ну давай уже, или скажи что-то, или набрасывайся на меня, ну нет уже сил это терпеть! Самое тяжелое – ожидание атаки, а не атака. Во время атаки думаешь чисто алгоритмами, что знаешь, на автоматике, а во время ожидания такая дрянь в голову лезет!

Семья в Хельсинки меня ждет через несколько дней, поехал помогать чеченским детям, а привезут меня распоротого чеченским ножом. Интересно, а мы друг в друга лично

стреляли? Может тогда, когда их группа по ущелью проходила мимо нашего блокпоста в сторону Гилянов? Мы тогда столько по ним настреляли. А может, это они тогда ночью на наш секрет нарвались, а потом утром на зачистке мы нашли их дом, полный одежд, медикаментов и боеприпасов, и было видно, что кого-то тут недавно откачивали – вокруг в доме было много крови, а потом мы нашли несколько камуфляжей с ичкерийскими нашивками в ветвях дерева возле дома? Один камуфляж, кстати был прострелен в области ног и там же окровавлен. Может это камуфляж Али? Может это мы ему ноги и прострелили тогда ночью? Или может даже я? А он хромотает или нет? Черт, не подметил раньше. А может он до сих пор воюет? Ну ездит в Грузию, там переходит с отрядами границу и валит наших солдат? Да делай же уже что-нибудь! Мозги уже кипят!

И еще одна мысль – неоступно, – идиот я, зачем спрашивал до конца? Зачем вообще сказал, что я в Зандаке был тогда? Зачем? Потому что надо было сказать? Музейная обстановка? Общий пацифистский настрой. Нам рассказывали о советской оккупации, о страхе и ненависти к советским военным, но я не боялся литовцев – это уже история. Даже пусть частью этой истории, с «вражеской» для литовцев стороны, и был мой отец. Но сколько времени прошло с тех пор, как мы с этим симпатичным чеченским парнем друг друга буквально мочили друг друга? Чуть больше 10 лет. Мало, мало... А сколько надо?

Да делай же что-нибудь!

В наш зал вернулась правозащитница Оксана: «В чего застряли? Пойдемте уже наверх!»

Пошли. Рядом. Как-то не хочется, чтобы он за моей спиной шел. Уже в группе нашей «делегации» ненадолго отвлекся. Но все время отслеживал действия и перемещения Али. Краем глаза. И чтобы спина моя не была рядом с ним.

Выползли наружу. Поблагодарили, разъехались. Мы с Али ехали в разных такси. Сюда приехали – в одном...

Что делать? Может, нашим кому-то рассказать? Подожду пока. Что будет-то теперь?

До вечера я просто сходил с ума от этих мыслей. Хотелось или сбежать, или поехать к нему – поговорить. Все

выяснить. Мы же узнали, что стреляли друг в друга. От шока оба замолчали. Но вопрос-то не решили. Как нам быть теперь? Прошло больше десяти лет, он живет с семьей в Литве, я стал журналистом, помогаю чем могу чеченцам, пусть даже мне со злости кто-то и заявил, что у меня перед ними комплекс и я так, мол, вину заглаживаю, но я все равно – стараюсь. Кому-то даже помог. Чеченцы же меня и благодарили. Уже даже воевавшие некоторые меня другом называли. Один, самый мной уважаемый – братом...

Мы ночевали в гостинице при аббатстве практически в центре Каунаса. В комнате были втроем – Аркадий, Хасан и я.

После ужина, часов около 11 вечера по местному, у меня сработал телефон. Номер неизвестный, местный, литовский. Беру трубку:

– Алло, это Дима?

– Да, а это кто?

– Это Али. Я приехал, стою возле входа на улице, выходи, поговорим...

– Иду...

Ну, вот наверное, и все. Вот сейчас все и случится. Иду. Аркадий с Хасаном, мол, ты куда? Говорю, да вот Али там приехал, просит к входу подойти. Хасан, мол, а чего случилось? Да ничего, говорю, сейчас вернусь скоро, сейчас пять минут. Они оба ничего не поняли, просто молчали и сидели, смотрели на меня.

Уже потом, много времени после, когда я рассказал все это Аркадию, он округлил глаза и задорно так спросил: «Ну, боялся ведь, да?! Ну, скажи – страшно ведь было, да?!»

Не знаю. Просто не думал. Что я мог сделать? Ответить Али, что не могу выйти? Там дождь на улице был осенний, человек приехал, дома у него были, угощал, с семьей знакомил, а я не выйду? Аркадия и Хасана с собой брать? Зачем? Про это по телефону речи не было. Зачем людей потащу? Перепугался? Странно. Да вот чего-то нет никакого страха. Будь что будет? Как на войне. Чего бояться, если от тебя мало что зависит. Как повезет. Можешь на мину наступить, можешь пулю словить, на зачистке, на блокпосту, или просто тупо сидя на броне, куда то перемещаешься.

На войне надо думать не о том, «что будет, если что-то случится», надо думать, как все выполнить и чтобы «этого не

случилось». У меня, видимо, уже включился тот, старый режим в голове. Я просто накинул куртку и пошел вниз. А там как будет.

Улица. Возле крыльца аббатства стоит Али. Промок весь. Без зонта. Просто стоит весь мокрый перед дверью и на меня смотрит.

Автоматически оглядел все вокруг. Машина, рядом два молодых парня – чеченцы. Смотрят то на Али, то на меня. Так, это с ним. Зачем? Тут меня грохнут что ли? Или в машину запихнут и вывезут куда-то? Ну да, скорее вывезут, тут свидетели могут быть. Может зря я один поперся? Даже если заору, если и услышат Хасан с Аркадием, они могут просто не успеть. Да тут много и не надо. Попроси он сейчас меня к машине подойти – пойду ведь. Даже если сесть предложит – сяду ведь. Я ж не на войне. А вдруг он все еще на войне?

Много вариантов в голове пролетело, пока прошло секунд 10, может меньше. Добрый вечер. Идиотски прозвучало. Зачем же приехал? За чем-то? Для чего-то?

И тут я стал рассказывать. Я стал рассказывать, как видел один фильм, в котором австралийцы (или американцы), на островах в Тихом океане воевали с японцами во время последней мировой войны.

Вышло так, что с небольших подразделений в живых осталось только двое – по разные стороны.

И вот они несколько дней не спали, не ели – все пытались друг дружку убить. И трупы минировали, и подлунки всякие устраивали, но живучие оба и хитрые оказались. И в конце там был такой эпизод – уже в чистом поле, рядом с лесом, патронов почти нет, ползают в высокой траве и долбят друг друга. Вот японец попал в прицел и понял что уже все. И патроны у него кончились уже. Один остался. Австралиец – все, крючок спусковой дергай и адьес. И тут они увидели, что по лесу ребенок ходит. И оба знают, что там мины. И вместо того, чтобы долбить друг друга, они стали стрелять по деревьям, с них посыпались кокосы, один попал на мину, взрыв – и перепуганная девочка убежала. Выжила. А у них патронов больше нет. Стоят, смотрят друг на друга. И тут патруль американский их засек – несутся.

Японец взял штык, сел на колени, давай себе хакари делать. Прискакали американцы, подняли своего, тащат, а тот спрашивает, что там, мол, с японцем-то? Ну, они ему

так и так – у него кишки там вываливаются, загнетса скоро. И тут вдруг австралиец-американец, просто мечтавший этого самурая убить, говорит им, что по закону тот теперь военнопленный и ему обязаны оказать помощь.

Ну американцы, мол, да ты что – на этого гада медикаменты тратить, вон ваших сколько положили там, пускай погибаетса, может еще подольше помучаетса, гад.

А полубессознательный австралиец все не унимаетса – обязаны оказать помощь и все тут. Ну, надавил на них, те сдались – стали японца бинтовать да на носилки.

Следующий кадр – 90-е годы, встреча ветеранов войн. Стоят в каком то ресторане японцы, американцы, австралийцы. Те самые. Которые раньше друг друга убивали всеми силами.

Стоят, выпивают. Закусывают, беседуют. И австралиец, увидев того самого японца, берет свою семью – детей, внуков, жену-старушку и идет к нему. Японец тоже с семьей. Дети, внуки.

Встали, знакомятся. Когда всех представили, японец и австралиец уставились друг на друга. А ведь этого всего могло не быть. Ни их, ни детей, ни внуков.

И вот пока они так в шоке от собственного осознания того, что они тогда чуть не натворили, стояли, их внуки – девочка и мальчик, благо дети люди простые, за руки взялись и куда-то играть поскакали. Внуки, черт! Внуки! А они несколько дней в дерьме, с трупами, голодные, не спавшие, друг за дружкой следили, да убить пытались...

Вот. Не знаю, понял ли Али тогда, что я хотел сказать. Я и сам не знаю, понял ли я до конца. Молчим, стоим. Али, столько лет прошло, все изменилось. То, о чем я тогда еще догадывался, потом просто узнал по фактам. Война – дерьмо. И умирают в грязи те, кому она вообще не нужна. А кому нужна – в золоте жрут и гуляют.

И не было никакого наведения Конституционного порядка, была гражданская война, дележ денег от нефтетранзита, жлобтивные генералы и запудренные мозги. Стоп. Была? Или есть?

Придумал, что делать! Али, говорю, у меня в комнате есть компьютер, там фото с Чечни мои. И там есть твоя школа. Изнутри. Ты ведь давно ее не видел изнутри? Последние годы в Чечне все больше снаружи...

Мы пошли. Ребята, что приехали с Али, остались у машины. Он им крикнул что-то, они кивнули и сели в салон.

Поднимаемся. Аркадий и Хасан спокойны. А что могло быть? Ну, странно, конечно, что Али приехал и меня одного на улицу позвал. Но мы же в гостях. Да с благой миссией. Интернациональной.

Открыл компьютер, нашел папку со сканами негативов чеченских пленок. Листаю. Али сел на корточках у стола с компьютером. Глаза блестят. Дошло до школы.

Вот табличка «учительская» на двери, мы с доктором стоим. Тут ты Али со своими коллегами на переменах и педсоветах сидел до войн, да журналы успеваемости классные смотрел. Может тетрадки проверял, по русскому языку.

Али изменился. Сначала, при просмотре фото, где первыми шли мои фото со спецопераций, с блокпостов и т.д., он как-то посуровел, прищурился. А вот стали школу смотреть – отпустило.

– О! Я тут еще крышу помогал ремонтировать! Сам рубероид клал, перекрытия делал! О, а тут у нас кабинет русского был! А тут кабинет директора! О! Эти окна я еще красил, кажется, так все и осталось!

– А у нас тут на крыше СПГ стоял и два поста солдат. В крыше дыру отдельно делали – чтоб лазить. А в этом кабинете у нас дрова хранились и стол теннисный стоял. А тут огнеметы валялись всегда, тяжелые, гады – никогда их не брали с собой – таскать сложно. А у этого окна, которое ты красил, у меня как раз огневая точка была...

Странно так. Нереально как-то. Долбили друг друга, а теперь стоим и рассказываем друг другу то, чего не знали об одном и том же месте. О нашей школе.

Посидели, подключился Хасан, как всегда с какими-то шуточками про войну и довоенное время.

– У нас самолет был, ТУ-134, в Турцию все время летал. Сиденья с салона выкинули – битком товара возили. А потом этим товаром все рынки и магазины в России забиты были, в Ростовской области, на Ставрополье. Это как раз перед войной было.

– Хасан, а чей самолет-то был? Кто купил?

– Да не помню – бабы какие-то.

Хорошо посидели. Напряжение спало. Анекдоты начались. Вот сижу и смотрю на Али. У меня ребенок, у него

ребенок. Неужели я в Али когда-то мог целиться? И убил бы? И не было бы этого всего?

Вот растили Али, растили родители, школу, институт закончил, пошел обратно в школу, русский преподавать детям чеченским. Жил себе спокойно в своих красивых горах. Жениться хотел, детей завести. Дом построить. В Москву на Красную площадь съездить. И тут война. Приехал я и все уничтожил. И школу мы отобрали, потому что она нам хорошо подходила (да и школы там уже толком не было – все расстреляли, разбомбили и посжигали, остался только труп школы, на нее похожий, но уже не живой), и порядки свои наводим, и творим черти что...

Классный мужик. Веселый. Как улыбается – улыбка светлая такая, морщинки у глаз – веселый, значит. С таким дружить, наверное, хорошо очень. Думаю, всегда поможет, подсобит, и в компании, наверное, заводила.

А ведь или он, или я могли друг друга убить. И был бы не веселый Али с маленьким ребенком и женой в Каунасе, и не Дима с ребенком постарше и женой в Москве, а один или два синих грязных трупа. Ну, если бы трупа остались, а то – миномет, бомба, гранатомет, мины...

Как же я мог стрелять по Али? Или по таким, как Али? Ну, я же его не знал. Оправдание? По незнакомым можно стрелять? А по знакомым? Сколько в первую войну в эфире находилось сослуживцев чеченцев и русских, кто по Афганистану, кто просто по службе. Все знали друг друга. И что? Воевать перестали?

Расходились уже поздно (парни в машине нервничали?). Просто. Как будто с работы, если не друзья, то как бы коллеги. Ага – все повоевали и все на одной войне, только в разных местах и под разными флагами. Было о чем поговорить. Али «заразили» нашим антивирусом – создали настрой, как будто мы все один фильм про одну войну смотрели.

Со мной только немного особые отношения. Как будто мы с Али вместе посмотрели больше других. И можем детально и до мелочей описать эту «картину». И только он и я друг друга так пойдем, как никто никогда не поймет. Может быть, Али тоже в те годы делал, как я? Пытался представить себя на месте своего врага? Или хотя бы в тот день, когда стало извест-

тно, что мы воевали друг против друга лично, он попытался поставить себя на мое место? Что делать надо? Убивать друг друга? Именно этого бы и хотели многие. Более того – если бы один из нас погиб от руки другого уже здесь и сейчас, то оставшийся просто стал б героем для своих и крутым врагом для чужих. Свои, чужие. А нам оно надо? Оно нам и тогда, во время начала второй войны в Чечне не надо было. Али бы детей учил, да своих растил в своих горах, а я бы жуликов и бандитов ловил в своем рязанском ОМОНе.

Для этого же он шел работать в школу, а я в милицию. А вышло что?

Хватит. Да, Али? Да?

Когда мы уезжали из Каунаса, Али провожал. Все жали друг другу руки перед тем, как сесть в машину. Али протягивает руку: «Дима...»

Жмем. Смотрим друг другу в глаза. Ну, все...

2 октября 2013